

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Скабичевский
Плещущийся

Андрей Скабичевский

Плещущийся

Серия «Длинный список 2020 года

Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51707314

SelfPub;

Аннотация

Приключенческая история, основанная на реальных событиях. Пять дней из жизни обычного рабочего парня, работающего на заводе. История о любви, поиске, пьянстве, футболе и черной металлургии.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Суббота	4
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Суббота

«Оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер...»

Непонятный набор звуков, повторяясь, крутился у Сереги Гоменюка в голове, постепенно выводя его из состояния крепкого пьяного сна в мир реальности. Странная фраза куском липкого скотча приставала ко всем мыслям пробуждающегося человека в состоянии дикого похмелья. Оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер... В голове Сереги творилось страшное: прямо над правой бровью с разной периодичностью возникала накатывающая боль, как будто за время сна в череп его имплантировали звонницу с огромным колоколом и теперь пьяный монах-буддист неистово бьет в этот колокол в религиозном исступлении. Во рту было сухо и мерзко, будто коктейль из тухлятины с пряностями перемешивался с ароматами химической лаборатории. Оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер... Серега, не открывая глаз, попытался сглотнуть, чтобы избавиться от премерзкого привкуса. Слюны не было, поэтому у него получилось только причмокнуть на вдохе.

«Пора вставать», – решил Серега и открыл глаза. Монах-буддист над правой бровью решение Гоменюка не одобрил и стал долбить в колокол с удвоенной энергией. Оле-гу-

нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер... Закрыв правый глаз, пытаясь таким образом обмануть монаха-буддиста, крихтя и охая, Серега сел на диване. Тут же накатила волна тошноты – вестибулярный аппарат отказывался служить верой и правдой. Сереге пришлось вцепиться трясущимися руками в кровать, чтобы нормализовать свое тело в пространстве. Он посидел так несколько минут и понял, что лучше не становится. Пришло время вырабатывать план дальнейших действий по собственному спасению.

«Во-первых, – вспомнил Серега, – сегодня суббота! А значит, на работу не нужно. Повезло!» Он поискал глазами мобильный телефон и обнаружил его на столе, а это значит – ура! – телефон не потерян. Мобилка не имела особой ценности (дешевая, с поцарапанным экраном и отваливавшейся кнопкой ОК), но содержала телефоны нужных Сереге людей, а значит, потерять её было крайне досадно. Значит, опять повезло. Мать сегодня вышла в смену на работу – можно сказать, трижды повезло. Сейчас её нравоучения по поводу Серегиного образа жизни были бы очень некстати. Тут и так одного монаха-беспредельщика над правой бровью более чем достаточно.

Мать Сереги работала машинистом конвейера аглофабрики металлургического комбината города N по самому лучшему в заводе графику: два через два, то есть двое суток по 12 часов работая, двое суток дома, и сейчас она была на

вторых рабочих сутках. Сам он работал в цеху обслуживания металлургического оборудования номер четыре (сокращенно ЦОМО-4) бетонщиком третьего разряда. Отца Серега не помнил. Его посадили, когда Сереге было три года. С зоны Гоменюк-старший не вернулся, умер там от туберкулёза. Мать так больше и не вышла замуж, и детей, кроме Сереги, у неё не было. Жили мать и сын Гоменюки в двухкомнатной хрущевке на четвертом этаже. Одна комната считалась спальней матери, где помимо застеленной кровати со скрипучей пружинной сеткой стоял коричневый бельевой шкаф советского производства – на три створки с зеркалом посередине – и в тон ему комод того же периода и расцветки. Вторая комната в зеленых с вертикальным белым орнаментом обоях считалась Серегиной, она же была залом. Одну стену зала подпирал бледно-зеленый раскладной диван, на котором сейчас восседал страдающий похмельем молодой человек, и рядом с ним накрытое синим клетчатым пледом кресло. Почти всю противоположную сторону закрывала коричневая гэдээровская стенка с телевизором в центральном отделении, книжным наверху и небольшими отделениями со стеклянными дверцами по бокам. За дверцами с одной стороны прятались хрустальные бокалы (их выдали в начале девяностых вместо зарплаты Серегиной матери), с другой стороны стоял сервиз, хранимый хозяйкой на большой праздник и которым почти не пользовались.

Гоменюк с трудом отодрал зад от дивана и проковылял

на кухню. Не нашел стакана, стал пить воду прямо из носика чайника. Вода была дважды кипяченой, с привкусом накипи самого чайника, но холодной, а это в данный момент для Сереги было главным преимуществом. Напившись, ему даже полегчало – привкус тухлятины с химлабораторией во рту как будто стал меньше, и даже казалось, монах-буддист над правой бровью слегка угомонился. Но все еще мутило. Посетив туалет и умывшись, а также еще дважды попив водички из чайника, Гоменюк пришел к выводу, что пора решать моральную дилемму: оставаться дома и терпеть нынешнее состояние или кардинально его изменить по старинному народному рецепту «лечи подобное подобным». К преимуществам первого варианта относилось нынешнее материальное состояние Сереги: денег у него не было. Его банковской зарплатной картой распорядилась мать, выдавая сыну необходимые, по её разумению, суммы. Всю имеющуюся у него наличность он пропил вчера. Второй вариант сулил определенные материальные и, возможно, моральные затраты, но зато все это компенсировалось облегчением нынешнего физического состояния, а также вероятностью потенциальных приключений. Как обычно, Серега выбрал второй вариант и приступил к его выполнению.

Дома, естественно, не было ни капли алкоголя. Была у Сереги Гоменюка дурная привычка пить алкоголь либо пока дно бутылки не увидит (или деньги не закончатся), либо пока не лишится сознания от алкогольной интоксикации. Нуж-

но было выбираться из дому в поисках людей, которые могли занять денег или так же страдали от похмелья и нуждались в компании для соблюдения похмельного ритуала. Проще всего было не мучиться выбором, а позвонить тому, с кем он вчера пьянствовал, а по совместительству коллеге-бетонщику, с которым Гоменюк работал в одной бригаде.

Сергея поклацал торчащей вместо клавиши ОК пластмассовой, на дисплее желтая полоса нашла среди прочих надпись «Костян». Серега нажал на вызов, поднес телефон к уху и приятный женский голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети. Кому позвонить, кроме коллеги, Гоменюк не придумал и решил положиться на удачу, которая с утра его преследовала. Стал собираться.

В черных спортивных штанах с пристегнутым чехлом от мобильного телефона, не глаженной зато чистой серой футболке, в синих резиновых тапочках на босу ногу, шаркающей походкой человека страдающего диким похмельем, одиннадцатого августа 2007 года из подъезда панельной хрущевки заводского квартала города N вышел двадцатидвухлетний бетонщик третьего разряда Сергей Николаевич Гоменюк по прозвищу Щавель. В подростковом возрасте Серега был худым и сутулым, из-за чего получил в школе прозвище Щавлик. Кличка являлась забавным фонетическим симбиозом слов щуплый и чахлый. Однако к двадцати годам Щавлик немного возмужал, раздался в плечах, стал меньше сутулиться, и постепенно кличка трансформировалась в ближай-

шее фонетически схожее слово – Щавель.

На улице был чудесный летний день, но Серега всего этого не видел. Его раздражало решительно все: и слепящее яркое солнце, и бойкое воробьиное чириканье, и довольные коты, вылизывающие себя возле подъезда. Не увидев во дворе ни одного подходящего для данной жизненной ситуации человека, Щавель направился в сторону трамвайной остановки. Рядом с остановкой в окружении лиственных деревьев стоял магазинный киоск, созданный из списанного морского контейнера. К нему прилагались большой кафешный зонт и прячущиеся в его тени три пластмассовых столика со стульями. Называлось сие место магазин и кафетерий «Поляна». Название было исключительно географическим. В период перестройки это место должно было застраиваться новым зданием: площадку успели выровнять, деревья вырубить, оградить забором с двух сторон, выкопать котлован под сортир и поставить над ним характерное деревянное сооружение. Но дальше этого стройка не пошла, сначала исчезла дверь сортира, потом весь сортир, а чуть позже и забор. А вот название «Поляна» не исчезло, осталось в народе, чем и воспользовался хозяин киоска. Каждое субботнее утро за столиками можно было найти как минимум одного человека, восстанавливающегося от вчерашнего праздника проводов рабочей недели. На это Серега Гоменюк и рассчитывал.

И снова удача улыбнулась Сереге. За столом сидел единственный человек – зато какой!!! Лушпа Григорий Кон-

стантинович по кличке Гендальф Синий или просто Гендальф. Работал в том же цеху сварщиком, человек средне образованный, но добрый и интеллигентный, с дистиллировано пресным лицом. Кличку свою Григорий Константинович заработал за длинные невымытые седые космы и любовь на старости лет накатить спиртного в любое время дня и ночи. Лушпа на кличку не обижался. Толкиена он не читал, происхождения её не знал, но ему в этом слове чудился сразу и рыцарь Айвенго, и виконт де Бражелон, и почему-то Емельян Пугачев. Хотя некоторые злые языки называли его еще Гендальфом Косоголовым из-за привычки сварщика держать голову наклоненной влево, будто он что-то внимательно рассматривает. Гендальфа никогда не видели пьяным в том скотском состоянии, что в народе называется «в дымину» или «в хлам», он просто всегда был каким-то поддатым. Его можно было видеть сразу в нескольких компаниях заводчан, исправно пропивающих аванс и получку, но именно он был тем человеком, который всех разведет по домам. А главное, он всегда помнил кому из собутыльников, дошедших до состояния беспамятства, принадлежали определенные вещи: сумки, шарфы, барсетки, кепки, даже значки и пуговицы, оторванные во время праздничных возлияний.

– Здравствуй, Гендальф! – сказал Серега, и бухнулся на белый пластмассовый стул возле Григория Константиновича. Разница в возрасте Сергея не смущала – при работе на

одинаковых тарифах и в одинаковых условиях считалось само самым разумующимся обращаться к друг другу на «ты».

– Здравствуй, Сережа, – еще бодрым голосом ответил Гендальф и задал универсальный вопрос, который подразумевает что угодно: – Ну, как оно?

– Тяжко жить на свете пионеру Пете, – завел жалостливую песнь Щавель, всем своим видом демонстрируя ужасные муки. – Головонька бо-бо после вчерашнего.

Вид у него действительно был неважный. Лицо под цвет футболки, все в испарине, глаза страдальчески прищурены. Руки слегка подрагивали, поэтому Серега тут же спрятал их под стол.

– Ну, так похмелись, – Гендальф упорно делал вид, что не понимает, куда клонит Щавель. Мужик он был не жадный, но расчетливый. Серегу Гоменюка он знал уже два года, не раз вместе выпивали в общей компании, а потому отчетливо понимал, что если проявит жалость, то пятьюдесятью граммами не отделается.

– Так денег нет, Константиныч.

По отчеству Гендальфа называли редко, поэтому он сразу понял, что сейчас начнутся мольбы.

– Выручи ради бога, – Щавель использовал всю жалостливую аргументацию для достижения цели, – угости полтинничком, гадам буду – верну с получки, ты же меня знаешь.

Последний аргумент был враньем. Серегу знали в цеху как любителя угоститься за чужой счет, однако сам он уго-

щал кого-то редко. Не по причине жлобства, просто деньги у него заканчивались, не успев начаться. Однако фраза «ты же меня знаешь» срабатывала на интеллигентной публике, которая в силу воспитания не считала достойным тут же перечислять, насколько хорошо ей известен проситель.

– Ну, ничо себе, – Лушпа причмокнул губами, закатил глаза и сделал паузу, которой мог позавидовать ведущий актер столичного театра, надеясь, что Серега прервет сейчас это неловкое молчание и уведет разговор в сторону. Но Гоменюк молчал и только смотрел снизу вверх на Гендальфа взглядом какающей собаки.

Григорию Константиновичу очень хотелось выпить граммов пятьдесят, посидеть за столиком в одиночестве и потаращиться на улицу, полностью уйдя в свои мысли, но и противостоять такой жалостливой невербальной атаке Щавеля не было сил, поэтому он принял соломоново решение.

– Давай, Серёжа, по пятьдесят, но только по пятьде... – Гоменюк, не дослушав, понял, что победа на его стороне и радостно закивал. Он схватил деньги Лушпы и уже через минуту поставил перед щедрым сварщиком два пластиковых стаканчика с прозрачной жидкостью и две маленьких карамельки в слипшейся обертке.

– Быть добру! – Серега сказал свой любимый и единственный тост, чокнулся с Гендальфом стаканчиком и одним глотком выпил содержимое. Скривился, передернул плечами, ойкнул и покатал пальцем по столу свою карамельку, но

закусывать ею не стал: мало ли, вдруг доброта Гендальфа сегодня безгранична и он захочет повторить процедуру.

Гендальф маленькими глотками выпил свои пятьдесят граммов, аккуратно развернул слипшуюся карамельку, положил её в рот и блаженно засосал, глядя куда угодно, лишь бы не на навязчивого просителя, как бы показывая, что хлявный банкет закончен.

Уже через минуту Щавель почувствовал, что головную боль аккуратно накрывает знакомое ощущение первого опьянения, которое на «старые дрожжи» пришло восхитительно быстро. Словно гирию упаковывают в коробку с лебяжьим пухом. Прекрасное ощущение – мир стал свежее, и даже будто бы запахло морским бризом. Щавель тут же расплылся в довольной улыбке. Чувствуя себя обязанным, он решил завести с Григорием Константиновичем светскую беседу.

– Слышь, Гендальф, а что такое «оле-гу-нар-соль-скья-ер»?

Лушпа все так же не глядя на Серегу, подпер косматую голову рукой и выдал:

– Это, кажись, баба, которая про муми-троллей писала.

Словосочетание «муми-тролли» немедленно воскресило в памяти Гоменюка интригующую фразу «кот кота ниже живота», спетую мяукающим голосом.

– Так это вроде мужик, – сомневающимся голосом аргументировал Серега, пытаясь вспомнить, как выглядит Илья

Лагутенко.

– Может, и мужик, – равнодушно согласился Гендальф. Он по-прежнему игнорировал визуальный образ Гоменюка и ждал, когда до него дойдет, что пора и честь знать.

Щавель был не таким тупым, чтобы не понять намека. Но и не таким тупым, чтобы не понимать простой расклад: раз жалостливый прием сработал с Гендальфом один раз, то можно им воспользоваться и второй. Главное – сильно не наглеть и излишне не давить на человека, а поэтому искренне (все-таки удивительно, как на степень искренности влияет алкоголь!) поблагодарил Гендальфа за угощение, положил карамельку в карман – на всякий случай – и встал из-за столика.

Жизнь начинала налаживаться, но была у этой прекрасной жизни и обратная сторона: если в течение пятнадцати минут не повторить прием алкоголя, вся магия закончится. Времени терять было нельзя, и Серега устремился к трамвайной остановке.

Трамвайная остановка представляла собой сваренную металлическую конструкцию по типу футбольных ворот без крыши с каркасом из уголков под скамейку, где, по всей видимости должны, были крепиться деревянные лавки, но по какой-то причине так и не прикрепленные. Весь этот металлический скелет скорее нес функцию информационную, чем полезную.

На этой остановке останавливались два трамвая – ТРИ-

НАДЦАТЫЙ и четырнадцатый. Оба ходили по одному и тому же маршруту по кругу, только в разные стороны. ТРИНАДЦАТЫЙ трамвай после рабочего квартала останавливался на аглофабрике, потом пару остановок на прокатном стане, потом еще пару остановок на конверторном цеху, потом остановка Заводуправления, остановка Профсоюз, несколько остановок вдоль доменных цехов и затем три остановки на рабочем квартале. Маршрут № 14 ходил соответственно по всем тем же остановкам, но в обратном направлении. На остановке Заводуправление можно было пересесть на другие трамваи, троллейбусы и маршрутные автобусы, едущие в другие части города N.

От остановки, рядом с которой жил Серега Гоменюк, до остановки Заводуправление было одинаковое расстояние как на ТРИНАДЦАТОМ трамвае, так и на № 14, но Щавель предпочитал ездить исключительно на четырнадцатом. ТРИНАДЦАТЫЙ был, по мнению Сереги, несчастливый: и цифра заговоренная, и пейзаж какой-то не такой. И вообще, если ему приходилось ехать на ТРИНАДЦАТОМ, то стопроцентно случалась какая-то беда. Похлеще черной кошки с пустым ведром был этот ТРИНАДЦАТЫЙ трамвай.

Щавель шел к трамвайной остановке не просто так, он решил навестить того самого коллегу-бетонщика по имени Константин (для Сереги просто Костян), с которым они вчера бухали и у которого был отключен телефон. Была у Костяна привычка с бодуна отключать телефон, чтобы его ни-

кто не беспокоил. Серегу это особо не смущало: он неоднократно заваливался к Косте домой с утра с предложением похмелиться, от чего последний отказывался очень редко.

И вот в чем беда – Костян жил через четыре остановки от того места, где сейчас был Серега. Через четыре остановки, если ехать на ТРИНАДЦАТОМ трамвае. Мозг Сереге, итак работающий с перебоями из-за монаха-буддиста (временно притаившегося после спасительных пятидесяти грамм), а также из-за «оле-гу-нар-соль-ская-ера» (что бы эта хрень ни значила), мучительно перебирал варианты. Можно пройти четыре остановки пешком, но тогда действие алкоголя гарантированно выветрится и, возможно, вернутся все болевые ощущения. Можно дождаться четырнадцатого трамвая и ехать к Костяну долго. Действие алкоголя опять же гарантированно закончится. А можно сэкономить время и поехать к Костяну на ТРИНАДЦАТОМ маршруте в надежде, что преследовавшая его с утра удача уравнивает проклятье несчастливой трамвая. Гоменюк прислушался к своим ощущениям и понял, что пелена опьянения проходит. Нужно спешить.

«Ладно, – подумал он, полностью снимая с себя ответственность. – Какой трамвай придет первым, на том и поеду».

Первым пришел ТРИНАДЦАТЫЙ.

Целых четыре остановки Щавель ехал и нервничал: действие алкоголя с каждой секундой неизменно исчезало,

трамвай был стрёмный, люди все хмурые какие-то, такое впечатление, что они смотрят на Серегу осуждающе и скрежещут зубами. Кондукторша выглядывала из кабинки водителя на пассажиров, хмурилась и орала мерзким голосом: «Передаем за проезд». Даже люди на остановках заходили в трамвай исключительно хмурые: вон зашла хмурая бабка в дурацкой панамке, а с ней хмурый внук в такой же дурацкой панамке и коленями в зелёнке... хмурые бродячие собаки басом лаяли на проходящий трамвай... у-у-у, проклятуший трамвай...

Обливаясь потом, Щавель добежал до двухэтажного барака на восемь семей, где жил коллега Константин. Торец барака с незапамятных времен украшала надпись, сделанная чёрной краской крупными печатными буквами «Ace of Base». Ниже располагалась одно-единственное слово: «говно», написанное голубой краской прописью. Еще ниже той же черной краской и теми же твердыми печатными буквами было написано «сам говно».

Выклянченная у доброго Гендальфа доза уже практически выветрилась, и Сереге срочно требовалась дозаправка. Не замедляя шаг, он залетел на второй этаж и постучал в обитую дерматином коричневую дверь. Прошло 10 секунд, никто не открыл. Это время показалось Сереге почти что вечностью, он не выдержал и постучал еще раз, на этот раз чуть подольше.

Дверь распахнулась, за ней оказался сутулый небритый

тридцатилетний мужчина в серых семейных трусах, с тонкими ногами и выпученным животом – Константин Логунов, он же Костян, коллега-бетонщик пятого разряда. Жил Константин в двухкомнатной квартире с женой и четырехлетней дочкой. По счастливой случайности дома никого не было. жена работала по графику день – ночь – сутки дома и сейчас была на смене, а дочку родители жены забирали к себе на выходные.

– Чо нада? – без лишних приветствий начал разговор хозяин квартиры. Костяну в общении с Серегой нравилась модель старшего товарища жизнь повидавшего, жизнь понявшего и жизни учащего. Это означало, что Серега должен относиться к нему с неизменным уважением, а он к Сереге как к заблудшей овечке, которую нужно наставить на путь истинный и с которой можно особенно не церемониться ввиду её низкого статуса.

– Хотел узнать, как дела, – Щавель решил избрать в общении тактику окольных путей, – как домой вчера добрался. Телефон, вон, отключен, мало ли...

– Ты мне тут дурака не включай, – Костян прекрасно понимал причину появления Сереги – это было отработанной, чуть ли не еженедельной схемой, но статус старшего товарища обязывал пожурить младшего коллегу и осудить его образ жизни, – водку пить припёрся?

– Ну, так эта... тяжело жить на свете пионеру Пете, – заискивающе заглядывая в глаза, начал молодой коллега свою

привычную песню.

Логунов сам вчера выпил изрядное количество дешевой водки и испытывал похожие муки, а потому был не против похмелиться, но положение обязывало.

– Да ты достал уже, как выходной так ты с утра у меня тут пасёшься. Я тебе чё, алкомаркет? Ты совсем уже алкашом стал конченным или чё? Я тебе сколько раз говорил, подвизывай бухать?

– Костян, ну чё ты начинаешь, – Серега старательно изображал вину и покорность, прекрасно понимая, что никакого конфликта тут нет. Речь Логунов двигает по установившейся привычке и сейчас его тирада пойдет на спад.

Действительно, спустя минуты три отчёта Сереги за все его прегрешения, Костян успокоился, перевел дух и уже мирным тоном, почесывая волосатый живот, продолжил:

– Твое счастье, что у меня у самого башка трещит. Принес с собой?

Вопрос был задан без особой надежды. У Сереги денег практически не бывало, он и так постоянно занимал у Костяна. Но нужно признать: пока что Щавелю удавалось отдавать долги с полочки хотя бы своему коллеге.

Получив заведомо очевидный ответ, Логунов дежурным тоном пожурил младшего товарища еще и за любовь к халыве, но всё же пригласил на кухню. В маленькой комнатке по одну сторону тесно прижались друг к другу мойка, стиральная машинка, напольный сервант и газовая печка на

четыре конфорки. С другой стороны стоял кухонный стол с желтой клеенчатой скатертью. За него и уселись коллеги. Тесть Костяна гнал самогон, и у того всегда было в достатке прозрачной жидкости с характерным запахом в трехлитровых банках.

Глотая слюну, Серега наблюдал, как его товарищ достал из серванта два стакана, а из холодильника неполную литровую пластиковую бутылку с самогоном, кастрюлю с компотом, слегка пожухлый желтый болгарский перец, открытую банку консервированных бычков в томате. Также достал черный хлеб из хлебницы. Ёрзая на стуле, Гоменюк терпел, пока Костян разливал пахучую жидкость по стаканам. Логунов только открыл рот, чтобы сказать какой-нибудь приличествующий ситуации тост, но Серега уже схватил свой стакан, стукнул им по Костиному, выпалил: «Быть добру!» – и вылил содержимое себе в рот.

Мир сразу же перестал быть прежним, будто Щавель стал Нео, которого подключили к Матрице. Серега любил это состояние. Состояние, когда погружаешься в сказочную перину, в которой тепло, в которой собеседники интересны, в которой все дамы – прекрасны, в которой Серега остроумен и находчив, в которой царит только тепло, добро и любовь. Серега по жизни был неконфликтным человеком, а в состоянии опьянения ему хотелось любить весь мир, хотелось гладить и чесать всех собак на своем пути, кормить их какими-то сосисками, хотелось говорить комплименты дамам и дарить

им цветы. Хотелось помогать бабушкам переходить дорогу, хотелось обнимать хмурых людей и говорить им, что жизнь прекрасна и не стоит быть таким хмурым в такой прекрасный день! Хотелось совершать добрые благородные поступки, за что люди будут благодарить Серегу, уважать и восхищаться им. Естественно, это все хотелось делать, не вставая из-за стола, где стоит вождеденная бутылка с жидкостью. С той самой жидкостью, которая делает этот мир уютней, теплее, теплее и чище.

– Костян, а что такое оле-гу-нар-соль-скья-ер?

Логунов напустил на себя задумчивый вид, почесал макушку и с серьезным видом бухнул:

– Кажись, это форсунка в немецких двигателях. Кум мой недавно на своем «Опеле Вектра» такую менял.

Костян еще чуть подумал, добавил «вроде бы», потом кивнул на пластиковую бутылку.

– Накатим?

Конечно же, Щавель был полностью солидарен с коллегой в этом вопросе. Они накатали, запили это дело компотом, а потом накатали еще раз. После третьей Костян закурил, а у Сереги в башке наконец-то окончательно угомонился монах-буддист. Исчезла звонница с огромным колоколом, будто её не существовало вовсе, а вместо неё на всю ширь Серегиного сознания раскинулось море-океан из исключительно позитивных волн добра, любви и теплоты. Щавель в этом море был своим. Пьяное сознание делало его то рыбой, то мол-

люском, то лихо закрученной ракушкой, то просто обычным купальщиком, плещущимся в волнах. После третьего «наката» Щавель ощущал себя ловцом жемчуга. Не в том плане, что он выдавал вербальные перлы собственных лингвистических пассажей, в этом он был не особо силен. Скорее, каждый накат был как прыжок ныряльщика со скалы в глубину – длинный и затяжной, и неизвестно каким и с чем он вынырнет. Может, приблизится к заветной жемчужине очень близко, и тогда ему потребуется еще один затяжной прыжок. А может, он опустится очень глубоко, где давление морского дна его расплющит. Либо слишком быстро вынырнет, и кессонная болезнь лишит его сознания. Это было немного страшно и захватывающе одновременно.

Костян что-то рассказывал про приключения юности. Серега слушал вполуха, предпочитая барахтаться в волнах любви, добра и теплоты, но исправно поддакивал, кивал головой, а в местах, когда Костян начинал смеяться, вторил ему искренним смехом. Он не особо понимал смысл шутки, но прекрасно чувствовал настроение хозяина квартиры. Это было одним из достоинств Сереги – некая застольная компанейность, за которую его терпели, а иногда и ценили собутыльники. Щавель еще до пьянки безошибочно определял, кто из людей как будет действовать в пьяном состоянии. Пьяных он делил на несколько категорий: агрессивных, дерзких, откровенных и задумчивых. У каждого типа был свой представитель.

Агрессивных представлял Аркаша Гозарулев. Невысокий одутловатый мужичёнка лет тридцати, Аркаша считал себя специалистом во всех областях. Он работал сварщиком и считал себя особой неприкасаемой вплоть до того, что он только варит, а электроды носить или тем более металлические заготовки – это ниже его достоинства. За это его недолюбливали даже в собственной бригаде. Так же Аркаша с пятого по шестой класс занимался боксом и с тех пор считал себя серьёзным боксером. А еще выучил с десяток шуток из выпусков «Аншлага» и несколько рифмованных куплетов из творчества группы «Сектор Газа» и повторял их при каждом удобном и неудобном случае. Все это делало Аркашу в собственных глазах выдающимся и замечательным человеком. По трезвости делало. По пьяни Аркашино эго выросло до небывалых высот: каждый человек, случайно задевший Аркашу локтем в питейном заведении; каждый нечаянно толкнувший его пьяного в общественном транспорте; каждый посмотревший косо на улице; каждый не засмеявшийся над его шуткой; каждый перебивший Аркашин тост становился для Аркаши объектом, с которым нужно разобраться. Как минимум объяснить, как он был неправ по отношению к Аркаше. Если же таких людей не находилось (а многие зная, каким говном становится Аркаша по пьяни, просто предпочитали от него дистанцироваться), тогда Аркаша начинал искать их сам. Были случаи, когда он уже в хорошо заряженном состоянии залезал в поздний трамвай или автобус, желательно

полупустой, осматривал исподлобья всех присутствующих и задумчиво, но громко задавал сам себе риторический вопрос: «Кого б въебать?». Как правило, тут же находился задетый Аркашиной провокацией желающий, и мордобой был неминуем. Надо признать, Аркаше довольно часто очень хорошо прилетало по щам, но каким-то чудом ему удавалось избежать сильных побоев. Ни разу он не получал в драке ни переломов, ни повреждений внутренних органов. Однажды зуб выбили, да и тот боковой коренной, так что заметен был, только когда Гозарулев улыбался. А еще ни разу Аркашу не били толпой. В общем, жизнь его ничему не учила, и конфликты были делом периодическим. Таких людей Серега Гоменюк старался избегать. Его не очень напрягали рассказы всяких «аркаш» о собственной сногшибательности, но ему не нравилось, что его внутренняя атмосфера любви и добра вкупе с внешностью могут пострадать из-за чьего-то непомерного эго.

Следующий тип пьяных людей Серега называл «дерзкими». Каждый мужчина и большинство женщин хотя бы раз по пьяни попадали в эту категорию. Такое случается, когда выпивший ловит пьяный кураж и ему становится море по колено. И тогда он или она пытаются вычудить что-то эдакое романтично-азартное (разумеется, без излишней агрессии и криминала), чего за ними явно не водилось в трезвом виде. Но существовала порода людей, в чьих жилах текла явно кровь пиратов, мушкетеров, бродячих менестрелей,

крестоносцев... короче джентльменов удачи всех мастей и калибров. У таких особ после первой рюмки всегда в голове охотничий рог трубит общий сбор, и фестиваль поиска приключений на свою пятую точку опоры объявляется открытым. Типичным представителем данного вида выпивших по версии Гоменюка являлся Вячеслав Николаевич Мосий. Бригадир маляров все называли не иначе как «Славик» за его обаятельность и располагающую внешность. Славик был широкоплечим, высоким, с правильными чертами лица молодым человеком со средним техническим образованием, неплохим чувством юмора, достаточной эрудицией и способностью импровизировать. В его бригаде были исключительно женщины-маляры разных возрастов, которых помимо одинаковой профессии объединяла любовь к Славику. И вчерашняя пэтэушница Светка Бурова, и замужняя Оля Бойко, и дважды разведенная сорокасемилетняя Нина Сергеевна Добромиль готовы были идти за своим бригадиром в огонь и в воду. И не только они. Трезвый Славик Мосий при первом знакомстве вызывал интерес у женщин, а у мужчин не то чтобы симпатию, но точно неприязни к нему не чувствовалось. Но в пьяном состоянии Славика заносило. Он мог остановить на улице любую незнакомую даму и отвесить ей комплимент по поводу её внешнего вида, одежды, обуви или украшений. При этом абсолютно невзирая на то, что эта дама идет под ручку с кавалером. Естественно, этим самым кавалерам подобное не нравилось и они тут же пыта-

лись, несмотря на вызывающую симпатию внешность дерзкого незнакомца, начистить тому табло. Или же Славик мог в пьяном виде поумничать или сострить в адрес проходящего рядом наряда милиции, естественно, тем самым обращая на себя их особое внимание, которое, учитывая состояние Славика, дважды заканчивалось ночевкой в «обезьяннике» и «потерей» кошелька, часов и золотой цепочки. Так же Мосий мог искать шампанское по ночным киоскам, где в такое время из ассортимента только паленая водка, пиво, сигареты да жвачки с шоколадками. И, на минуточку, находил, чем окончательно поражал очередное девичье сердце. В компании таких людей Щавелю пить нравилось, ведь это были самые веселые пьянки, на следующий день они обязательно оставляют после себя истории пьяного героического эпоса, с годами превращающиеся в байки. Но приходилось все время быть начеку, ибо рядом с такими весельчаками всегда есть риск попасть в не очень приятную историю.

Третий тип людей в состоянии алкогольного опьянения Гоменюк называл «откровенными». В эту категорию попадали любители поговорить по душам. Щавель заметил, что проблема откровенности вообще актуальна для всех, вне зависимости от категории. Даже агрессивные и дерзкие порой открывали душу, пусть немного привирая, но все-таки описывали мучившую их историю. Однако были и такие, кто каждую пьянку после третьего наката включали режим «А поговорить?». Причем поговорить не просто, а обязательно о

чем-то личном. Прототипом типажа Серега считал Олега Горобцова. Невзрачный, непримечательный, немного застенчивый мужичок средних лет. Олег был сварщиком, а всю его личностную трезвую характеристику можно было уместить в два слова: «как все». Олег говорил то же, что и большинство – ныл, что работы много, а зарплата маленькая. В заводской столовой брал то же, что и три человека перед ним. Одевался так же, как и большинство. Выписывал заводские газеты про спорт, здоровье и жизнь комбината, ведь начальник цеха сказал, что нужно выписывать, а то заводская редакция закроется. Во время отпуска мечтал получить путевку от профсоюза в санаторий, где уже больше половины цеха побывало. Как у всех, у Олега была жена, такая же непримечательная и невзрачная, и дочка, учившаяся в седьмом классе. В общем, совсем незаметный человек. Когда трезвый. Но по пьяни в него просто вселялся бес откровения. После N-ной стопки когда общая пьяная компания разбивается по группкам, Олег неизменно находил себе жертву, перед которой ему просто необходимо было покаяться. Каялся Олег шепотом, выпучив глаза, крестясь и иногда рыдая. Каялся во всем: как в детстве в спичечном коробке спалил кузнечика; как в пионерском лагере ссался по ночам в кровать; как в юности подглядывал за сестрой в душе; как на дискотеке его пригласила девушка на белый танец, а он испугался этой неожиданной симпатии и убежал; как его достала мяуканьем соседская кошка и он кинул в неё камнем и попал; как на

свадьбе тетки его стошнило прямо за столом; как на отдыхе в санатории в последний день заезда изменил жене с кастеляншей... После покаяния на Олега снисходило умиротворение близкое к благодати, он вытирал заплаканное лицо и пьяный и счастливый ехал домой проспаться. Проспаться, чтобы на следующий день встать трезвым, ужаснуться той откровенности, что была вчера вечером, перепугаться, что люди теперь могут подумать про него только дурное, и до следующей пьянки превратиться в незаметного, непримечательного человека, одного из своих. С Олегом и ему подобным Гоменюку было наиболее приятно напиваться. Они не лезли в драку, ни с кем не ссорились, ни ругались, пьяная атмосфера любви, добра и теплоты, которую так ценил Серега, просто захлестывала их, а благодаря их откровениям они становились гораздо ближе и роднее. Дополнительную ценность такие люди представляли еще тем, что в порыве чувств могли даже бесплатно угостить, тем самым в глазах Щавеля поднимаясь до уровня Самых Лучших Собутыльников! Надо ли говорить, что это была Серегина любимая категория?

Последним типажом в классификации Гоменюка шли «задумчивые», к коим он причислял и себя. Представители данной категории попадались Сереге в каждой компании. Это были люди, которые по мере опьянения говорили все меньше и меньше, до тех пор, пока вообще не переставали, тараша глаза в одну точку, полностью погружённые в свои мысли. В категорию «задумчивых» мог попасть человек из любой ка-

тегории – эта стадия шла непосредственно перед отключкой. Но были уникальные герои, которые впадали в эту стадию еще до пьянки. Собственно, самый яркий представитель данного вида работал с Серегой и с Костяном в одной бригаде. Звался он Паша Костюк по прозвищу Тихоход. Таких людей, как Паша, Серега не встречал. Казалось, что Паша все время пребывает в своем уникальном внутреннем мире, где созерцает что-то настолько интересное, что у него просто не остается сил и эмоций на мир реальный. Паша не просто говорил мало, он вообще почти не говорил. Серега работал с ним год, и за это время, по его подсчетам, Паша выдал не более ста слов. Однажды, в самом начале сотрудничества, бригадир бетонщиков Кобчик не выдержал двухнедельного Пашиного молчания: в состоянии крайнего раздражения схватил Пашу за грудки и тоном, не терпящим возражений, в нецензурной форме спросил, почему его сотрудник все время молчит. Паша посмотрел на него взглядом, будто впервые его увидел, завис на полминуты и выдал одно-единственное слово: «Жарко». За постоянное молчание, а также за пассивное поведение Пашу прозвали Тихоходом. Пассивное поведение выражалось во всем: если к Паше обращались, он не смотрел на собеседника и как будто даже не слышал, что к нему обращаются, реагировал на раздражитель раза со второго-третьего, чем очень бесил окружающих. Если кто-то в очереди пролазил вперед Паши, он молчал и просто смотрел в спину стоящего перед ним человека. Один раз банкомат в ма-

газине проглотил Пашину карточку, так тот, молча и не шевелясь, стоял и смотрел на банковский механизм до закрытия магазина. Но пить Паше нравилось. Это, пожалуй, единственное, что ему в жизни нравилось. Чудесным образом он с первого раза мог расслышать, когда кто-то из бригады собирается отмечать днюху или выставляться по другому поводу. Свои даты он с коллегами не праздновал, что в принципе устраивало всех, кроме Сереги Гоменюка, который никогда не отказывался от дармовой пьянки. Пил Тихоход сразу и наповал. Даже зная, что сейчас его будут угощать, и он в любом случае напьется, тот все равно старался максимально приблизить этот замечательный момент. Пока бригада располагалась в близлежащем трактире «Маргарита» – раскладывала свои вещи, открывала банки с консервами и разрезала хлеб, – Паша от нетерпения сразу шел к барной стойке и заказывал себе там сто пятьдесят грамм водочки, чтобы (учитывая Пашин росток в метр шестьдесят пять и вес в пятьдесят восемь килограммов) уже через пять минут, сидя за столом, окончательно уйти в астрал, передав ответственность за эту грешную землю Брюсу Уиллису, Чипу с Дейлом и Сереге Гоменюку. Очень часто в конце пьянки, когда народ расходился по домам, пьяного Пашу Тихохода заносили в тот самый несчастливый ТРИНАДЦАТЫЙ трамвай, усаживали в углу, и там Паша в сладостном забытии нарезал круги по заводскому трамвайному кольцу до тех пор, пока трамвай не уходил в депо. Тогда кондукторша выносила тщедушного

Пашу на остановку, укладывала на лавку, где он и оставался до самого утра. С Пашей Сереге было комфортно. Молчанию и отрешенности коллеги Щавель приписывал такую же волну любви, добра и теплоты, в которой купался сам в состоянии алкогольного опьянения. Учитывая, что оба любили выпить, часто эту парочку можно было видеть сидящими (а иногда и лежащими) возле пустой бутылки водки. Серега вообще любил эту категорию пьющих людей, ведь с ними можно так замечательно в полном молчании думать о своем и заполнять трещины пустынного трезвого и не особенно справедливого мира ручьями, волнами, а иногда и тайфунами любви, добра и теплоты.

Естественно, пьяные люди могли вояжировать из категории в категорию (особенно дерзкие в агрессивные), в зависимости от степени выпитого и внешнего раздражителя. Но по умолчанию, когда пьянка проходит среди своих, по законам даже не мужского, а скорее пацанского этикета, как правило, все пьющие соответствовали Серегиной классификации.

Своего коллегу Константина Логунова Щавель относил к категории «дерзкие». Вот и сейчас, сидя на кухне, Костян кидал в волну добра, любви и теплоты Сереги свой агрессивный красный буюк с проблесковыми маячками. А по мере употребления высокоградусного напитка все более и более распался и переходил в стадию агрессивности. Причина была стандартная, но вопиющая – несправедливость. Барак, в котором проживало семейство Константина, был построен

по простому советскому принципу: два подъезда, два этажа, в подъезде на каждом этаже по две квартиры, этажи разделены крутой деревянной лестницей. Логуновы жили на втором этаже, напротив них жила семья Чупиных: Чупин-муж – ровесник Костяна, работающий на том же заводе, но в другом цеху; Чупина-жена – на два года младше жены Логунова, крановщица мартеновского цеха и Чупин-сын – шести лет, ходивший в тот же садик, что и дочь Логуновых. Казалось бы, такое возрастное, социальное и семейное совпадение сделает соседей хорошими друзьями (у соседей снизу так и сложилось, они семьями отмечали праздники, вместе закрывали консервы, вместе красили гараж, по очереди ходили в магазин и легко занимали друг другу деньги), но звезды не сошлись. Логуновы и Чупины жили в постоянной конфронтации. Началось все с лестницы в подъезде. Обе семьи стали жить в этом доме практически одновременно – одним квартира досталась от бабушки, а вторые её купили. Жена Логунова, которую звали Машей, была очень чистоплотной женщиной и постоянно поддерживала чистоту в доме. После знакомства с новыми соседями Маша предложила жене Чупина мыть общий коридор и лестницу по очереди, согласно составленного ею графика уборки. На что получила ответ, что лестницу нужно мыть не по каким-то графикам, а когда она будет грязной. На тот момент каждый остался при своем мнении. Сначала Маша Логунова продолжала мыть лестницу в свои дни по графику, но очень скоро убедилась, что

кроме неё никто лестницу не моет. Факт, что она одна делает работу за двоих, не давал Маше покоя. Тогда она вспомнила слова жены Чупина о том, что нужно убирать лестницу по мере её загрязнения, и прекратила мыть оную – стала выжидать, когда же соседка решится на уборку. Ждать пришлось долго. Лестница постепенно заросла старой засохшей грязью, разлинейлась черными помазнями от обуви, украсилась паутиной, перила покрылись пылью. Но семейство Чупиных оставалось к этому безучастно. Наконец, спустя почти месяц, Маша Логунова не выдержала и обратилась к соседке с требованием убрать на лестнице и этаже, обращая её внимание на скопившуюся грязь. На что получила ответ: «Вам надо, вы и убирайте, а нас и так все устраивает». Маша убрала (внутренняя чистоплотность взяла верх), но уборка далась ей тяжело морально. Она посчитала себя униженной – соседка словно показала, что уборка лестницы ниже её достоинства, а вот для Маши Логуновой в самый раз. О чем в слезах и поведала мужу. Костян жену любил и решил просто так дело не оставлять. Он постучался к соседям в надежде «чисто по-человечески» договориться, но встретил там такую волну непонимания, а чуть позже и агрессии, что дело дошло до драки. Особых увечий никто не получил: оба отца семейств оказались посредственными бойцами и дальше толканий и неловких захватов дело не пошло. На этом режим агрессии был окончен, и началась эпоха соседской «холодной войны».

Сначала внезапным образом пострадал велосипед Чупина-младшего: оказалось, что у стоящего в подъезде двухколесного транспортного средства внезапно возникли пробойны обеих покрышек с камерами, причем в нескольких местах. На вопрос Чупина-старшего к Костяну не в курсе ли он, как получилось, что стоящий в подъезде велосипед получил такие увечья, тот лишь удивленно округлял глаза и отвечал: «Мало ли, наверное, твой малой ездил по дороге с раскиданными гвоздями или битыми бутылками». Не прошло и двух недель после велосипедного происшествия, как оказалось, что на коврике возле двери Логуновых кто-то навалил огромную вонючую кучу. Теперь уже Чупин-старший на вопросы Логуновых «Кто это сделал?» округлял глаза и в покоем ключе отвечал: «Да мало ли, к вам вот всякие личности подозрительные шастают, вон возьми хотя бы Серегу Щавеля – ведь пьянь и отморозок, стопудово он нажрался и насрал вам под дверь. Короче сами виноваты, нефиг всяких шаромыг в дом пускать». Прошло еще две недели, и замочная скважина Чупиных оказалась залита суперклеем. Чупины больше вопросов о виновнике не задавали. С помощью паяльной лампы и неоднократно поминаемой женской линии династии Логуновых проблема входа в квартиру была устранена. Казалось бы, конфликт достиг своего апогея, дальнейшая его эскалация уже тянула на уголовщину. Целых три месяца прошли в подчеркнутом натянутом игнорировании соседями друг друга, но без происшествий. Костян уже

победно поглядывал на соседей, считая, что они усвоили, кто на их этаже главный перец. Но оказалось, что Логуновы просто выжидали момента. Ровно через три месяца, день в день после того как замочная скважина Чупиных оказалась залита суперклеем, замочная скважина Логуновых оказалась задута монтажной пеной. Тут уже паяльная лампа была бесполезна, дверь пришлось вырезать болгаркой. В ярости Костян Логунов опять сцепился с Чупиным-старшим, но как оказалось, боевые навыки за время «холодной войны» никто не подтянул, и драка снова закончилась безобразной ничьей.

С тех пор минуло два месяца. Все это время прошло между соседями в тотальной слежке друг за другом. Стоило только открыться на этаже одной двери, как тут же открывалась и другая, чтобы проследить, не собираются ли враги из квартиры напротив устроить очередную пакость.

В данный момент, сидя на своей кухне и распивая с Сергеем Гоменюком самогон, Костян Логунов припоминал все гадости, которые сделал ему сосед (при этом абсолютно не вспоминая, что сам сделал соседу), и все больше распался. Чувство несправедливости совместно с чувством страха (и ведь было из-за чего, зная характер соседа, можно было не сомневаться, что этой войне еще очень далеко до победного конца) давило на сознание Костяна. Логунову чуть-чуть не хватало решимости пойти и начистить физиономию пакостному соседу. Тем более что есть помощник Серега, а значит, за ними численный перевес. Это самое «чуть-чуть» он ком-

пенсировал самогоном, наливая сразу по трети стакана и делая промежутки между «накатами» все реже и реже, куря при этом сигарету за сигаретой.

Щавелю не нравилась перспектива мордобоя: его волна любви, добра и теплоты разбивалась об агрессию Костяна. Даже многократно сказанный тост «Быть добру!» почему-то не оказывал никакого умиротворяющего эффекта, но перечить хозяину он боялся. Во-первых, он гость, а во-вторых, его бесплатно – и не в первый раз уже! – угощают, ну и в-третьих, он же компанейский пацан. Смирившись со своей участью, Серега встал из-за стола, дабы отлучиться в туалет – количество выпитого нещадно давило на мочевой пузырь. Вестибулярный аппарат тут же отобразил весь нанесенный алкоголем урон организму смазанным фокусом и нечеткой моторикой. Серегу бросило вперед, и если бы он инстинктивно не выбросил руки и не оперся ими о стену, быть бы его носу расквашенным. Упираясь руками в стену, Щавель добрался до туалета. В газах плыло и двоилось. Серёга подошёл к унитазу и понял, что стоять без опоры у него не получится. Прислонившись плечом к стене, пьяный бетонщик приступил к процессу опорожнения мочевого пузыря. Однако упрямая струя никак не хотела попадать в унитаз, хоть Серега и отчаянно целился, прикрыв один глаз для пущей меткости. Но туловище вместо того, чтобы вертикально служить верой и правдой, описывало хаотичные круги, мешая сосредоточиться на прицеле. Совесть пробилась через алкоголь-

ные пары и подсказала Гоменюку, что хозяева точно не одобряют околотуалетную капель гостя. Поэтому он нашел лучший способ решения ситуации – снял штаны и уселся на унитаза. Опершись на бачок спиной, Щавель сумел-таки зафиксировать себя в пространстве. Наконец-то можно было расслабиться. Рассматривая дверь туалета Логуновых, он окончательно опорожнил мочевой пузырь, и по мере убывания излишней жидкости в голове стали появляться приятные воспоминания.

Почему-то вспомнилось как в детстве кормил щенка котлетой с ладошки. Потом воспоминание перетекло в запах хвои, мандаринов и образ шоколадной конфеты, висящей на елке, – она была съедена гораздо ранее наступления Нового года, а в фантик, дабы не было заметно следов преступления, предусмотрительно был завернут кусок пластилина. Потом память подкинула Щавелю воспоминание, как он целовался с Валькой Жуковой на дискотеке в школьном спортзале. И совсем уж неожиданно вспомнил, как в восьмилетнем возрасте он отдыхал с мамой в курортном пансионате возле моря: как горяч и мягок был песок, как кусочки ракушек прилипали к телу, как он сгорел и потом через несколько дней тянул на руках и груди отслаивающуюся паутину сгоревшей кожи. Это воспоминание вызвало в пьяной голове Сереги очень приятное и сладостное ощущение. И он думал о тянувшей коже снова и снова, вспоминал, какая она приятная на ощупь, и представлял, как он отрывает все большие кус-

ки, которые становятся бесконечными. Отрывал, отрывал и отрывал...

Проснулся Гоменюк от того, что стукнулся лбом о шершавую стену. В первую секунду Серега даже не мог понять, где он. Только спустя пару мгновений, сложив в кучу оле-гу-нар-соль-скья-ер (вот привязалось), Гендальфа Синего, ТРИНАДЦАТЫЙ трамвай, Костяна, его соседа, самогон и спущенные штаны, наш герой понял, что он заснул в туалете. Сколько прошло времени, Серега не мог определить – может, несколько минут, а может, несколько часов. Гоменюк попытался встать, что оказалось весьма проблематично. Во-первых, затекшие ноги отказывались служить, а во-вторых, скачущее внутричерепное давление подсказало, что еще не время совершать резкие телодвижения. Такое состояние не было для Сереги в новинку – он периодически засыпал в самых разных позах, в различных неприспособленных для сна местах. Гоменюк пощипал ноги, возвращая им нормальное кровообращение. Воспользовавшись моментом, справил нужду. Наконец, пошатываясь, Серега вышел из туалета и зашел в ванную. Оле-гу-нар-соль-скья-ер, оле-гу-нар-соль-скья-ер. Опять в голове завелась эта шарманка. Напившись воды из-под крана и какое-то время подержав голову под холодной водой, Щавель сумел вернуть себе подобие четкости мысли. Состояние было ни туда ни сюда. И вроде не сильно пьяный – не двоится в глазах, и ноги не подкашиваются, – но и трезвым себя назвать язык не поворачивается. Монах-буд-

дист не бьет в колокола (что уже неплохо), но вместо этого бегаёт по своему монастырю (или что у него там) из угла в угол, отчего лучше не делать головой резких движений. Серега сосредоточился. Он все еще у Костяна в гостях – это раз. Никаких шумов, означающих жизнедеятельность хозяев, – это два. Логично было начать поиски хозяина с того места, где он видел его последний раз. И логика не подвела бетонщика третьего разряда – зайдя на кухню, он тут же обнаружил пьяно посапывающего Костяна. Тот лежал красной мордой на клеёнчатой скатерке, разбросав по столу мобилку, кошелек, стаканы, какой-то хлеб, какие-то огурцы, сигареты и перцовый газовый баллончик (видимо, все-таки собирался разобраться с соседом). Электронные часы на кухне красным мигающим светом пугали цифрой 18:37. Неожиданно к Сереге пришла невероятная четкость мысли, свойственная злым гениям в трудной ситуации – скоро придет со смены жена Костяна. Она явно не будет довольна увиденной картиной, а значит, объяснений с ней необходимо избежать. Здесь выпить сегодня явно больше не обломится, а ведь вечер нужно как-то продолжать. Но на это нет денег.

Полностью воплощая своим поведением народную поговорку «глаза боятся, а руки делают» Гоменюк нашел пустую пластиковую емкость из-под газировки объемом 0,7 литра, наполнил её почти полностью самогоном из трехлитровой банки, легкомысленно оставленной Костяном на кухне. Взгляд Щавеля сосредоточился на столе. Набрал в ле-

жащий возле холодильника кулечек остатки закуски, Серега потянулся к кошельку Кости Логунова. Себя он подлецом не считал, оправдывая свои действия тем, что Костян ему бы обязательно занял – не будить же товарища из-за такой мелочи. К чести Гоменюка нужно признать, что сумму он взял действительно мизерную, которой бы хватило на проезд и пару бутылок пива. Расчет был прост: наконец-то Серега воспользуется оружием, которое всегда использовалось против него – провалами памяти в состоянии алкогольного опьянения. Если Костян вспомнит, что в кошельке не хватает денег, можно сказать: «Ты же мне сам занял, не помнишь, что ли». Ну, а если не вспомнит... В общем, не такая прямо и сумма, чтобы из-за неё можно было бы мучиться сомнениями и воспоминаниями. С этой мыслью Серега Гоменюк и покинул гостеприимный дом Логуновых.

Улица встретила хитрого бетонщика запахом горячего асфальта, вперемешку с запахом прелого белья и солярки. Во рту помимо устоявшегося амбре логуновского угощения появился тухлый привкус доменной пыли. Недолго думая, Щавель направился к ближайшей водоразборной колонке в соседнем дворе. Там он с наслаждением вволю напился, умылся и окончательно пришел в себя, насколько позволяло его состояние. Это было невероятное ощущение. Так, наверное, чувствовали себя гусары, въезжая в незнакомый город, где прекрасные представительницы весело приветствовали их бросками в воздух чепчиков и прочих скромных элементов

дамского туалета, суля таким образом недолгое, но очень веселое времяпровождение. Серега был навеселе, но уже в той фазе, когда мозг снова соображает: его не мутило, не шатало, у него была бутылка самогона, а значит, о покупке алкоголя можно уже не заботиться. И у него были деньги, которые позволяли ему спокойно передвигаться на муниципальном транспорте в пределах города. А главное – у него было замечательное настроение, а также целый вечер, чтобы провести его как душе угодно. Берегись мировой океан – синий кит Серега Гоменюк сегодня рассекает по твоим волнам, а значит, никто и ничто не сможет помешать этому непоколебимому океанскому зверюге плыть в нужном ему направлении. Сегодня он делает волну!

Отхлебнув из присвоенной емкости добрый глоток самогона и запив его водой из колонки, Щавель двинулся к трамвайной остановке. Со времени сидения на унитазах Логуновых Серегу преследовали очень приятные, теплые ощущения от воспоминаний. Некая теплая струя тоски по старым добрым временам становилась тем больше и мощнее, чем больше он о ней думал. И вот уже новая сладкая щемящая душу волна накрыла и без того приятный океан добра, любви и теплоты. Это было так здорово! Нет ничего прекраснее, чем пьяным получать приятные эмоции. Только тогда благодарность самая искренняя, намерения самые чистые, любовь самая настоящая, ностальгическая грусть самая светлая, дружба навеки и прощение без задних мыслей. А если

это все чувствуется в океане добра, любви и теплоты, то значит, это самая добрая, чистая и светлая эйфория на свете. Разве не ради такого люди совершают все самые прекрасные и все самые страшные поступки в жизни?

Новая доза алкоголя распространялась по организму. Щавель снова перебирал воспоминания о море, сторевшей коже, новогодней конфете и поцелуе на дискотеке. Океан самой светлой эйфории в мозгу Сереги сейчас штормило двенадцатибалльным умилением. От такого количества позитива его могло просто разорвать, поэтому он решил сконцентрироваться на чем-то одном и пустить всю водяную массу своего умиления в одно конкретное русло. Постепенно сознание сошлось только на одном воспоминании – Валька Жукова!

О-о-о, Валька Жукова! Она была на два года младше Сереги и жила в соседнем доме с матерью Анной, продавцом из продмага. Отец её, по слухам, развелся с Анной, нашел себе другую бабу и укатил с ней в Крым, где, опять же по слухам, живет по сей день. Так как двор был общим, все люди были друг у друга на виду и все прекрасно знали, кто чем живет. Анну Жукову отсутствие мужа не сильно смущало. Женщиной она была энергичной, общительной, деятельной, пахала в магазине за троих, за год из продавца стала старшим продавцом, через два года уволилась из магазина и открыла точку на рынке, стала торговать турецкими свитерами, куртками и джинсами, через три года купила квартиру

в центральном районе города и переехала туда с дочкой. В тот промежуток, что Анна жила на старой квартире, соседи периодически видели, как вечером к ней заезжал сначала один мужчина на иномарке, потом через какое-то время другой и тоже на иномарке. Потом третий (естественно, на иномарке). Затем снова первый – на обновленной иномарке премиум класса. Но надолго рядом с Анной никто не задержался. Дочь её Валька росла тихой, застенчивой девочкой, в детские годы «безотцовщины» робея перед мальчишками. Но со временем мамин кипящий жизненный пример стал формировать в её характере новые черты. Их поцелуй с Серегой Гоменюком пришелся на момент новогодней дискотеки. Тогда еще Анна Жукова только начинала свой бизнес и пока что Валька ходила в туже школу, что и почти все дети поселка. Серега тогда учился в девятом классе, и как раз тогда начиналось его первое знакомство с алкоголем. В глазах Вальки он был небрежным выпившим бунтарем, гордо попирающим школьные нормы поведения. Вальке тогда было почти четырнадцать. Она была невысокой худенькой невзрачной девочкой с русыми волосами и бледной кожей. Не сказать чтобы миловидная, но и уродиной не назовешь. Так себе, обычная девочка, которая живет в соседнем подъезде. Анна Жукова последнее время упорно вдалбливала дочери, что скромность и ожидание, когда за неё сделает выбор кто-то – это удел лохушек, чья жизнь проходит в серости и затхлости и заканчивается в компании бездомных жи-

вотных и больных соседей. А судьба настоящей женщины – это брать самой свою жизнь в собственные руки и, не смотря ни на кого, вести её к счастью. Валька умом понимала, что мать права, но природная робость и отсутствие лидерских черт трясиной болотной засасывало её зону комфорта куда-то поглубже, где не надо бороться за какие-то мифические ценности, где хорошо и спокойно. В таком диссонансе и жила Валька, разрываясь между внутренним миром и воспитанием. Несколько девчонок из её класса уже встречались с парнями, и ей отчаянно не хотелось быть последней в этом забеге повышения пубертатной самооценки. В тот день Анна Жукова купила дочери новые высокие черные сапоги, джинсы и облегающую фигуру голубую кофту. Обновки, да еще в таком количестве, всегда вызывают у женщин любых возрастов некий эмоциональный подъем. Валька уже в приподнятом настроении пришла на дискотеку, а после того, как неверно истолковала комплементы одноклассниц по поводу её внешнего вида, которые скорее хвалили качество турецкого трикотажа, чем Валькин женственный образ, вообще почувствовала себя неотразимой секси-бейбой. Именно благодаря этому фешн-порыву Валька не стала, как обычно, стоять в уголке рядом с кучей сложенных гимнастических матов, а ринулась в толпу танцующих. В толпе она и столкнулась с поддатым Серегой Гоменюком, у которого как раз фаза волны любви, добра и теплоты расплескивалась в неритмичном подергивании под ритмы современных музы-

кальных шлягеров. Какое-то время они активно танцевали, стоя рядом друг с другом, а потом школьный диджей врубил медляк. Щавель, который на тот момент еще был Щавликом, уже хотел было свалить из спортзала, но Валька Жукова, ошалевшая от собственной храбрости и неотразимости, сделала шаг навстречу, и ему, опешившему от такого наскока, пришлось обнять её за талию и, покачиваясь, синхронизироваться в медленном танце. Сереге не часто выпадало девичье внимание, так что вести светскую беседу с противоположным полом он особо не умел. Но все же смог взять себя в руки и даже наскреб в памяти определенные вербальные пассажи кавалера. Даже сумел во время танца завязать простой разговор про «как дела – отлично выглядишь – ну чо, выйдем, подышим воздухом». Они вышли на улицу и зашли за угол школы – на удивление там не было курящих. Было темно, и лишь лунный свет позволял им видеть очертания друг друга. И тут Валька, окончательно свихнувшись, притянула к себе Гоменюка и поцеловала в губы. Серега полностью потерялся, было одновременно и приятно, и непонятно, что же делать дальше. Он ждал от Вальки дальнейшей инициативы, но та, видимо, в поцелуе достигла критической планки собственной смелости. Какое-то время они, неловко смотря по сторонам, просто стояли и молчали. Потом Серега, не найдя ничего лучшего для поддержания беседы, предложил вернуться в школьный спортзал, и Валька, обрадовавшись, что неловкое молчание наконец закончилось, согласилась на

его предложение. Они вернулись в школу. На этом момент неожиданной интимности был окончательно завершен. Они разошлись в разные углы, оба недоумевая о том, что же все-таки с ними произошло, в душе надеясь, что каждый сейчас сделает первый шаг и развитие их отношений продолжится. Но подростковая робость окончательно подавила и раздухарившуюся Вальку, и поддатого Серегу. Какое-то время они встречались на улице или в школе, здоровались и смущенно друг другу улыбались. А потом Анна Жукова купила в центре квартиру и переехала туда с дочерью (злые языки поговаривали, что вместе с мужчиной на иномарке). И с тех пор Ромео и Джульетта города N не виделись.

Не то чтобы Валька была единственным интимным воспоминанием молодого бетонщика. У него были потом отношения, даже неоднократный секс с разными дамами. Но это было не из-за того, что у этих дам была особая симпатия к Сереге. Скорее он просто был компанейским и нежадным. Бескорыстно угощал дам бухлишком, а когда сознание его утопало в волне любви добра и теплоты, мог быть (в зависимости от ситуации) или достаточно негрубым любовником, или прекрасным слушателем, который сочувственно смотрит на собеседницу влажными глазами и прерывает, только чтобы чокнуться стаканами и сказать дежурное: «Быть добру!». А еще Щавель был абсолютно неагрессивным, что очень ценится в пьющих компаниях. За все эти качества дамы – ну вот нет точнее слова – «давали» Сереге. Половая благодар-

ность без особых симпатий согласно протоколу праздничного вечера. Не более. На фоне этих отношений Валька Жукова выглядела серебряным гвоздем, вбитым в вершину ствола самооценки регулярно поддатого бетонщика.

И вот сейчас, сидя возле колонки с капающей водой, Щавель целиком отдался приятным воспоминаниям прошлого. Но прошлое прошлым, а настоящее настоящим. Ведь только на этой неделе он слышал, как соседка рассказывала матери, что видела на рынке Анну Жукову. Оказывается, она сейчас живет в доме, что стоит первым с торца Райисполкома. Находясь в состоянии куражного подпития, Серега принял неожиданное решение: а что если попробовать встретиться с Валькой? Все равно у него нет никаких планов, кроме как напиться, но это можно сделать в любом месте. А тут вдруг он встретит Вальку и у них начнется что-то светлое и настоящее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.